

Ян Флеминг

Квант милосердия

— Я всегда думал, — сказал Джеймс Бонд, — что если я когда-нибудь женюсь, то непременно на стюардессе.

...Званный обед у губернатора прошел довольно уныло; теперь, когда двое других гостей распрощались и в сопровождении губернаторского адъютанта поспешили на самолет, Бонд и хозяин сидели на диване в просторной мебелированной гостиной Управления общественных работ, пытаясь завязать беседу. Глубоко провалившись в мягкие диванные подушки, Бонд злился. Его всегда раздражала мягкая мебель, он предпочитал жесткие стулья — сидя на них, ощущаешь твердую опору под ногами. И Бонд чувствовал себя глупо, развалившись бок о бок с пожилым холостяком на этом обитом розовым ситцем супружеском ложе и праздно созерцая кофе и ликеры на низком столике между их вытянутыми ногами. Со стороны могло показаться, что два близких приятеля беседуют на интимные темы, но это было бы ошибочным впечатлением.

Бонд не любил Нассау. Здесь все были слишком богатыми, и те, кто приезжал на зимний сезон, и те, кто жил здесь постоянно, говорили между собой только о деньгах, о своих немощах, жаловались на прислугу. Они не умели даже толком посплетничать. Им не о чем было позлословить — для любовных интриг они состарились и как подавляющее большинство богатых людей были слишком осмотнительными, чтобы говорить дурно о соседях.

Супруги Харви Миллер только что ушли: он — симпатичный, в меру скучный канадский миллионер, когда-то занявшийся природным газом и преуспевший в этом, его жена — миловидная болтушка, скорее всего, как подумал Бонд, англичанка. За столом она сидела рядом с ним и без умолку жизнерадостно трещала о постановках, которые недавно видела, о своих знакомствах с уймой замечательных людей — актерами и подобной публикой, о том, что лучшее место для ужина "Савой-Гриппль" ("А вы как считаете, мистер Бонд? "). Джеймс Бонд изо всех сил старался не ударить лицом в грязь, но так как уже два года не был в театре, да и последний раз попал туда вместе с человеком, за которым следил в Вене, ему не оставалось ничего иного, как положиться на довольно смутные воспоминания о лондонской ночной жизни, которые, впрочем, сильно отличались от впечатлений миссис Харви Миллер.

Бонд знал, что губернатор пригласил его только по обязанности и, возможно, для того, чтобы развлечь его персоной чету Миллеров. Неделью Джеймс Бонд провел на Багамах и завтра улетал в Майами. Его задание не выходило за рамки обычного. Повстанцы Кастро получали оружие из всех соседних стран, но в основном оно шло через Майами и Мексиканский залив. Когда береговая охрана США перехватила два крупных транспорта с оружием, сторонники Кастро обратили взор на Ямайку и Багамские острова как возможные перевалочные базы, и Бонда послали из Лондона помешать этому. Приказ не вызывал у него восторга. Если уж на то пошло, его симпатии были на стороне повстанцев, однако они поставили под угрозу срыва планы британского правительства относительно импорта кубинского сахара. Обязательство Великобритании не поддерживать мятежников и не оказывать им помощи было вторым, гораздо менее важным обстоятельством.

Бонду удалось выяснить, что в порту готовятся к отплытию две большие крейсерские яхты, специально оборудованные для перевозки оружия. Арест судов вызвал бы нежелательную огласку, поэтому, выбрав ночь потемнее, Бонд подкрался к ним на полицейском катере с потушенными огнями. С его палубы он бросил по термитной бомбе в открытые иллюминаторы каждой из яхт и на большой скорости

скрылся. С безопасного расстояния он любовался фейерверком. Страховым компаниям, увы, не повезло. Но все обошлось без жертв. Задание М Бонд выполнил в срок и не оставил следов.

До сих пор, насколько ему было известно, никто в колонии, кроме начальника полиции и двух его офицеров, не догадывался о виновнике ночного пожара. Впрочем, и для них Джеймс Бонд заблаговременно отправился на катере в длительный рейс. Всю правду знал только М в Лондоне. Бонд чувствовал угрызения совести, обманывая губернатора, как ему показалось, недалекого человека, но сознаться в тяжком уголовном преступлении, которое могло легко стать предметом разбирательства в Законодательном совете, было по меньшей мере глупо. Впрочем, губернатор не был простаком. Он сразу понял цель визита Бонда в колонию, и с момента, когда они обменялись рукопожатием, на протяжении всего вечера Бонд ощущал явную неприязнь хозяина по отношению к себе — тревогу мирного человека в присутствии насилия.

Губернатор хранил ледяное молчание за обедом, и лишь титанические усилия его адъютанта, без усталости разглагольствовавшего за столом, сумели придать общей беседе оттенок оживления.

Сейчас было только половина десятого. Бонду и губернатору предстояло мужественно выдержать по меньшей мере час благовоспитанной беседы, прежде чем они с чувством глубокого облегчения могли разойтись спать, каждый искренне веря, что никогда больше не увидит другого. Бонд вовсе не был настроен против губернатора. Просто тот принадлежал к скучному типу людей, с которыми Джеймса Бонда сталкивала жизнь по всему свету: положительный, солидный, знающий, надежный, добросовестный, очень порядочный — словом, образец гражданского колониального чиновника. Должно быть, так же честно, со знанием дела и преданно работал он в течение тридцати лет, поднимаясь по лестнице служебной карьеры, в то время как вокруг трещала по швам и рушилась Британская империя. И сейчас, точно по расписанию, счастливо избежав явных и тайных неприятностей, он поднялся на верхнюю ступеньку. Через год-другой он получит Большой крест ордена Бани, и — скорее, скорее в отставку, домой — в Годаминг, или Челтем, или Танбридж-Уэллс — с пенсией и скромным багажом воспоминаний о таких дырах, как Договорный Оман, Подветренные острова, Британская Гвиана, о которых никто слыхом не слыхивал в местном гольф-клубе и которые там никого не интересуют. И тем не менее, Бонд отметил это про себя сегодня вечером, сколько мелких драм, подобных мятежу Кастро, прошло перед глазами губернатора, к скольким из них он был причастен! Как хорошо он должен знать шахматную доску малой политики, скандальную изнанку жизни небольших колоний за границей, секреты людей, лгавших правительству в своих донесениях из всех уголков света.

Как разговорить этого сухого осторожного человека? Как он, Джеймс Бонд, которого губернатор, не стараясь даже скрывать, считает опасным типом, способным осложнить его карьеру, — как Джеймс Бонд сможет выжать из него хотя бы один интересный факт, хоть одно замечание, чтобы вечер не пропал окончательно?

Легкомысленная и неискренняя реплика Бонда о женитьбе на стюардессе подвела итог их отрывочной беседе о воздушных путешествиях, которая с угнетающей неминуемостью последовала за прощанием с Миллерами, спешившими на монреальский рейс. Сначала губернатор поведал, что БОАК¹ сильно потеснила американцев в Нассау, потому что ее самолеты хоть и летят до Айдлуайлда² на

¹ "Бритиш оверсиз эруэйз корпорейшн" — британская авиакомпания.

² Ныне аэропорт им. Джона Ф. Кеннеди в Нью-Йорке.

полчаса дольше, но сервис на них великолепен. В свою очередь Бонд, удивляясь про себя, какие пустяки он мелет, согласился с губернатором и тоже заметил, что лично он предпочитает летать медленнее, но комфортабельно, чем быстрее, но в плохих условиях. Как раз после этого он и произнес фразу о стюардессе...

— В самом деле? — с точно выверенной дозой удивления сказал губернатор таким деревянным голосом, что Бонд пришел в отчаяние. — Почему? — спросил губернатор.

— О, как вам сказать? Наверное, прекрасно иметь супругой хорошенькую девушку, которая сдувает с вас пылинки, подносит выпивку с горячей закуской, все время беспокоится, не нужно ли вам чего еще. Всегда весела, всегда заботлива. Если я не найду подходящую стюардессу, не останется ничего иного, как жениться на японке. Кажется, они тоже правильно воспитаны. — Джеймс Бонд вообще не собирался ни на ком жениться, а если бы и надумал, то, конечно, не на безответной рабыне. Он лишь пытался озадачить либо разозлить губернатора, чтобы вовлечь его в разговор на какую-нибудь общежитийскую тему.

— О японках судить не могу, но что касается стюардесс, то, надеюсь, и вам это приходило в голову, их специально обучают угождать. Они могут быть совершенно иными в жизни, точнее сказать, в нерабочее время. — Голос губернатора оставался спокойным и рассудительным.

— У меня не было случая убедиться в этом, поскольку на самом деле я не очень стремлюсь жениться, — ответил Бонд.

Наступило молчание. Сигара губернатора погасла, и прошло несколько секунд, пока он ее раскуривал. Бонду показалось, что его голос все же начал терять безразличие.

Губернатор сказал:

— Я знал одного человека, который рассуждал, как вы. Он влюбился в стюардессу и женился на ней. Между прочим, довольно любопытная история, на мой взгляд. — Он покосился на Бонда и смущенно усмехнулся. — Вы достаточно много сталкивались с оборотной стороной жизни, и, вероятно, мой рассказ покажется вам скучным. Но, может, вы хотите послушать его?

— С превеликим удовольствием.

Бонд постарался вложить энтузиазм в свои слова. Он сомневался, что его понятие о скуке совпадает с губернаторским, но, на худой конец, это спасало его от необходимости участвовать в любой другой идиотской беседе. Теперь надо было вырваться из цепких объятий дивана.

Бонд пробормотал:

— Пожалуй, я выпью еще бренди.

Встав, он плеснул бренди на дно своего стакана и, вместо того чтобы вернуться на место, подвинул стул и сел напротив собеседника с другой стороны столика.

Губернатор внимательно исследовал кончик сигары, сделал короткую затяжку и поднял ее вертикально, чтобы столбик пепла не рассыпался. На протяжении всего рассказа он с опаской поглядывал на кончик сигары и говорил так, будто обращался к тонкой голубой струйке дыма, быстро таявшей в жарком влажном воздухе.

Медленно подбирая слова, он начал:

— С этим человеком — я назову его Мастерсом, Филипом Мастерсом — мы начали службу в колониях почти одновременно. Я пришел на год раньше его. Он окончил "Феттес"³ и получил стипендию в Оксфорде, в каком именно колледже он учился — не важно, а по окончании поступил на работу в Министерство колоний. Он не отличался талантом, но был очень работоспособным и целеустремленным, знаете,

³ Привилегированная частная средняя школа для мальчиков в Эдинбурге.

из породы тех, кто производит благоприятное впечатление на министерские комиссии. Они и зачислили его на службу. Первое назначение Мастерс получил в Нигерию. Он прекрасно зарекомендовал себя здесь. Симпатизируя местному населению, он хорошо ладил с ним. Мастерс был чело-током либеральных идей, и, хотя он не брался с неграми, что могло бы, — губернатор кисло улыбнулся, — плохо кончиться при тогдашнем его начальстве, обращался он с нигерийцами мягко и гуманно, что, впрочем, повергало их в совершенное изумление.

Губернатор замолчал и затянулся сигарой. Пепел на ней едва держался. Осторожно наклонившись к столику, он стряхнул его в свою чашку из-под кофе. Пепел зашипел. Откинувшись в кресле, губернатор впервые за вечер посмотрел Бонду в глаза.

— Осмелюсь предположить, что привязанность этого молодого человека к туземцам заменила ему чувства мужчины его возраста к противоположному полу. К несчастью, Филип Мастерс был стеснительным и довольно неотесанным юношей, который не имел ни малейшего успеха у женщин. Раньше, когда он не зубрил, готовясь к экзаменам, то играл в хоккей⁴ или греб в университетской восьмерке. Каникулы он проводил у тетки в Уэльсе, где лазал по горам с местным горным клубом. Его родители, к слову сказать, разошлись, когда он еще учился в школе, и, хотя Филип Мастерс был единственным ребенком, не заботились о нем, считая, что он вполне обеспечен в Оксфорде стипендией и тем небольшим содержанием, которое было единственным знаком их внимания к сыну. Итак, с одной стороны, у него было мало времени на девушек, с другой — слишком мало того, что говорило бы в его пользу тем немногим из них, которые ему иногда встречались. Его внутренняя жизнь развивалась по ложным и порочным канонам, унаследованным от наших викторианских дедов. Зная Мастерса, я полагаю, что его сердечное отношение к цветным в Нигерии было лишь выражением души доброй и полнокровной, истосковавшейся по настоящей любви и нашедшей утешение в их простых и бесхитростных натурах.

Бонд прервал монолог собеседника:

— Единственная беда с этими прекрасными негритянками — они совсем не умеют предохраняться. Я полагаю, ваш друг сумел избежать неприятностей.

Губернатор протестующе поднял руку. В его голосе чувствовалась брезгливость:

— Нет, нет, вы не так меня поняли. Я не имел в виду секс. Этому молодому человеку даже не приходило в голову вступить в связь с цветной девушкой. Он ведь на самом деле был ужасно невежественным в сексуальном плане. Увы, это не редкость среди молодежи в Англии даже сегодня, а в те дни это было сплошь и рядом и послужило, надеюсь, вы не будете спорить, причиной многих, очень многих несчастливых браков и других житейских трагедий. (Бонд кивнул.) Я лишь хотел показать Филипа Мастерса на некотором отрезке его жизни, чтобы вы лучше поняли, что могло ждать этого целомудренного простофилю с добрым, но неразбуженным сердцем и телом, что только неспособность к общению в своем мире заставила его искать привязанностей среди цветных. Короче говоря, в личной жизни он был сентиментальным неудачником, внешне некрасивым, но во всех других отношениях абсолютно нормальным гражданином.

Бонд сделал глоток бренди и вытянул ноги. Он наслаждался. Старомодная повествовательная манера губернатора придавала его рассказу достоверность.

— Служба Мастерса в Нигерии совпала с приходом к власти первого лейбористского правительства. Если помните, одна из первых их реформ касалась

⁴ Хоккей на траве.

колониальной службы. В Нигерию назначили нового губернатора с передовыми взглядами на местные проблемы. Он был приятно удивлен, обнаружив в своем подчинении клерка, который в рамках своих небольших полномочий уже претворял его взгляды в жизнь. Губернатор поощрил Мастерса, поручив ему обязанности, превышавшие его служебный статус. А вскоре, когда пришел черед Мастерса на повышение, он написал ему такую блестящую характеристику, что тот круто пошел в гору и был назначен помощником секретаря правительства на Бермудских островах.

Губернатор взглянул на Бонда сквозь сигарный дым и вежливо поинтересовался:

— Надеюсь, я вам не очень наскучил. Я постараюсь быть кратким.

— Что вы, мне очень интересно. Кажется, я представляю этого молодого человека. Вы, наверное, очень хорошо его знали.

Губернатор секунду поколебался, а затем сказал:

— Я довольно неплохо узнал его на Бермудах. Я был его начальником, он подчинялся непосредственно мне. Но пока, прошу прощения, мы не добрались до Бермудских островов. В те дни пассажирская авиация делала первые шаги в Африке, но так или иначе Филип Мастерс решил сэкономить отпускные дни и лететь в Лондон, а не плыть из Фритауна. Поездом он добрался до Найроби и пересел на еженедельный самолет "Империял эруэйз" — предшественницы БОАК. Раньше Мастерс никогда не летал, поэтому ему было интересно, хотя и слегка боязно, когда самолет оторвался от земли. Перед этим стюардесса, которую он нашел очень хорошенькой, дала ему леденец и показала, как застегнуть привязные ремни. Самолет набрал высоту, и Мастерс обнаружил, что летать не так уж страшно. В проходе опять появилась стюардесса и с улыбкой сказала, что ремни можно расстегнуть. Видя, как Мастерс неумело вертел застежку в руках, она наклонилась и помогла ему. С ее стороны это была просто небольшая любезность, но Мастерс никогда в жизни не находился так близко от молодой женщины. Он вспыхнул, сильно смутился и поблагодарил ее. В ответ на его замешательство она ободряюще улыбнулась и, присев напротив в проходе на поручень кресла, поинтересовалась, откуда и куда он направляется. Мастерс ответил и в свою очередь стал расспрашивать ее: о самолете, с какой скоростью они летят, где будут посадки и так далее. Очень скоро он обнаружил в ней массу достоинств. Девушка показалась ему ослепительно прекрасной. Его поразило, как легко и ненавязчиво она умеет поддерживать беседу, как быстро они нашли общий язык. Удивил его и явный интерес девушки к тому, что он рассказывал об Африке.

По-видимому, его жизнь показалась стюардессе гораздо более романтической и шикарной, чем была на самом деле. В ее присутствии он почувствовал себя важной персоной. Когда она ушла помочь двум буфетчикам приготовить завтрак, Мастерс, откинувшись в кресле, подумал о ней, тут же испугавшись своих мыслей. Он попробовал читать, но не смог — буквы на странице сливались. Он блуждал взглядом по салону самолета, мечтая хоть мельком увидеть ее снова. Один раз она встретилась с его горящими глазами, и Мастерсу показалось, что она тайком улыбнулась ему. Она как бы говорила: мы единственные молодые люди в самолете, мы понимаем друг друга, у нас много общего.

Филип Мастерс смотрел в иллюминатор и видел ее на фоне белого моря облаков. Своим мысленным взором он скрупулезно изучал девушку, восхищаясь ее совершенством. Это была маленькая стройная блондинка, что называется кровь с молоком, с ярко-красными губами и голубыми глазами и, искрящимися озорным смехом. Ее волосы были собраны сзади в аккуратный пучок, который особенно умилял Мастерса (он считал этот пучочек признаком порядочной девушки). Зная Уэльс, Мастерс подумал, что в ней течет валлийская кровь. Об этом говорило и ее имя — Рода Ллуэллин, которое он прочитал в конце списка экипажа над журнальной полкой

рядом с дверью туалета, когда пошел мыть руки перед завтраком. Мастерс лихорадочно размышлял. Почти два дня они будут рядом, но как встретиться с ней потом? У такой девушки, должно быть, сотни поклонников. А может, она и вовсе замужем? Постоянно ли она в полетах, сколько времени она свободна между ними? Не посмеется ли она над ним, если он пригласит ее в театр или пообедать вместе? А вдруг она пожалуется командиру корабля, что один из пассажиров пристает к ней? Внезапно Мастерс с ужасом представил, как его высаживают в Адене, — жалоба в колониальную администрацию — конец карьеры.

Пришло время завтрака, а для него — новых надежд. Когда она укрепляла маленький столик на его коленях, ее волосы коснулись щеки Мастерса, и он почувствовал, будто дотронулся щекой до оголенного провода. Она помогла ему разобраться в обилии маленьких целлофановых пакетов, показала, как снять пластмассовую крышку ванночки с салатом, похвалила сладкое — большой кусок пирога. Короче, она так суетилась вокруг него, что Мастерс не мог припомнить ничего подобного, включая и те времена, когда он был ребенком и мать ухаживала за ним.

В конце рейса, обливаясь потом, он собрал всю свою храбрость и пригласил ее пообедать вместе. Он чуть не потерял сознание, когда она с готовностью согласилась. Через месяц она уволилась из "Империял эруэйз", и они поженились. Еще месяц спустя Мастерс получил вызов на Бермудские острова, и они отплыли из Англии.

Бонд сказал:

— Я опасаюсь худшего. Она вышла замуж, потому что его жизнь казалась ей изысканно-великосветской. Вероятно, у нее была идея фикс стать королевой званых чаепитий в правительственной резиденции. Я подозреваю, что Мастерс в конце концов был вынужден убить ее.

— Нет, — мягко возразил губернатор. — Но осмелюсь сказать, что вы абсолютно правы насчет причин ее замужества. Добавлю сюда еще усталость от однообразия и опасность полетов. Возможно, она действительно думала преуспеть в своих грезах, но должен признаться, что, когда молодожены прибыли и поселились в предместье Гамильтона, на всех нас произвела приятное впечатление ее жизнерадостность, хорошенькое личико и то, как она старалась понравиться каждому. Конечно, и Мастерс изменился. Жизнь стала для него сказкой. Теперь, когда прошло столько лет, довольно жалкими кажутся его потуги облагородить свою внешность, выглядеть достойным ее. Он стал заботиться об одежде, смазывал волосы каким-то ужасным бриолином и даже отрастил усы, как у военного. Наверное, ей казалось это аристократичным. После окончания работы он летел напрямик домой. А на службе не давал никому прохода со своей Родой — Рода здесь, Рода там, и когда, вы думаете, леди Берфорд (это была жена губернатора) пригласит Роду на завтрак?

Но он работал не разгибая спины, и все любили молодую пару. Все шло у них прекрасно в течение полугода или около того. А потом — сейчас я могу только гадать о причине — случайная размолвка подобно капле кислоты начала разъедать счастье и согласие в их маленьком бунгало. Вы понимаете, о чем я говорю, — нечто вроде этого: почему жена секретаря никогда не приглашает меня с собой по магазинам? Когда мы опять сможем пригласить гостей на коктейль? Я ужасно скучаю дома целыми днями. Когда наконец ты получишь повышение? Ты же знаешь, что мы не можем позволить себе ребенка. Сегодня ты должен вернуться к обеду. Мне совершенно нельзя нервничать. Ты-то на славу проводишь время, у тебя все в порядке... И так далее в том же духе. И конечно, всю ее нежность и заботливость как рукой сняло. Теперь Мастерс перед уходом на службу сам подавал завтрак в постель бывшей стюардессе, правда, я не сомневаюсь, что делал он это с наслаждением. Теперь Мастерс, возвращаясь вечером с работы, сам наводил порядок в доме, прибирая разбросанные повсюду конфетные обертки и пепел. Сам он бросил курить

и отказывался даже изредка выпивать в компании, дабы иметь возможность покупать Рода новые наряды, чтобы она чувствовала себя не хуже других жен.

Кое-что об их отношениях стало известно в секретариате, по крайней мере мне, хорошо знавшему Мастерса. Озабоченный хмурый вид, частые странные телефонные звонки в служебное время, самовольные уходы за десять минут до конца работы, чтобы успеть проводить Роду в кино, и, естественно, часто повторяющиеся полушутливые вопросы, заданные как бы невзначай: "Чем занимаются другие жены в течение дня? Не считают ли они, что здесь немножко жарко? Не кажется ли вам, что женщин (он всегда добавлял при этом: "Благослови их Господь") легче расстроить, чем мужчин..."

Беда, или по крайней мере большая ее часть, состояла в том, что Мастерс совсем потерял голову. Рода была для него всем. Если она несчастна или волнуется, значит, виноват только он один. В отчаянии он повсюду искал ей занятия, способные заинтересовать ее и развлечь, пока наконец он, а вернее, она не остановилась на гольфе. Надо заметить, что гольф на Бермудских островах — очень серьезная вещь. Там есть несколько великолепных гольф-клубов, включая знаменитый "Центральноокеанский", где играет весь высший свет, а после игр все собираются в клубе поболтать и выпить. Наконец она получила то, к чему стремилась, — приятное времяпрепровождение и избранное общество. Один бог знает, как Мастерсу удалось наскрести достаточно денег, чтобы заплатить вступительный взнос, за уроки и за все остальное, но он заплатил, и это был день его торжества.

Рода стала целыми днями пропадать в "Центральноокеанском". Она прилежно тренировалась, осилила все премудрости гольфа, участвовала в небольших соревнованиях и ежемесячных турнирах и через полгода не только освоила респектабельную игру, но и стала общей любимицей мужской половины клуба. Меня это не удивило. Я помню, как видел ее там несколько раз. Очаровательная загорелая фигурка в коротеньких шортах с белым козырьком на лбу на фоне зеленого газона; элегантные движения, подчеркивающие ее стройность, и должен признаться вам, — глаза губернатора оживились, — более прекрасного создания я никогда больше не видел на поле гольф-клуба. Само собой разумеется, что вскоре случилось то, что должно было случиться. Шло соревнование смешанных пар. Ее партнером был старший сын Таттерсолла — их семья главенствовала среди коммерсантов Гамильтона и в определенном смысле принадлежала к правящему слою бермудского общества. Юный шалопай был чертовски хорош собой. Прекрасный пловец и неважный игрок в гольф, с быстроходным катером и открытой "МГ"⁵ — вы знаете этот тип молодых бездельников. Гоняют на автомобилях, или катаются на яхтах, или веселятся в ночном клубе с девицами, а если те недостаточно быстро ложатся в постель, то лишаются всех этих удовольствий.

После упорной борьбы в финале Рода и Таттерсолл выиграли. Филип Мастерс был среди ликующей толпы именитых гольфсменов, провожавшей победителей до дома. В тот день он веселился в последний раз, потом способность радоваться пропала у него надолго, быть может, на всю жизнь. Почти сразу же она стала любовницей Таттерсолла, а перешагнув черту, она уже не останавливалась и неслась вперед сломя голову. Поверьте мне, мистер Бонд, — губернатор сжал кулак и осторожно опустил его на край столика, — это было отвратительное зрелище. Она не сделала ни малейшей попытки смягчить удар, как-то попытаться скрыть происходящее. Она просто взяла молодого Таттерсолла и отхлестала им Мастерса по лицу. Она могла вернуться домой в любой час ночи; под предлогом, что якобы спать вместе слишком жарко, она выселила мужа в отдельную комнату. Если она

⁵ Марка спортивного автомобиля.

когда-то и прибиралась по дому или готовила еду, то лишь затем, чтобы сохранить видимость приличия. Понятно, что через месяц все стало известно, а бедный Мастерс был украшен парой таких огромных рогов, каких еще не видывали в колонии. Наконец вмешалась леди Берфорд и побеседовала с Родой Мастерс — предупредила ее, что она разрушает карьеру мужа и так далее. Но беда заключалась в том, что при этом леди Берфорд, находя Мастерса занудой и пережив в собственной молодости пару приключений (а она по-прежнему оставалась красивой женщиной), отнеслась к Роде чересчур снисходительно.

Конечно, и сам Мастерс (он рассказал мне об этом позже) применил весь обычный в таких случаях арсенал: просьбы и увещевания, яростные приступы гнева и ожесточенные ссоры, рукоприкладство (он признался мне, что чуть не задушил ее однажды ночью), а под конец — ледяное презрение и угрюмое, замкнутое страдание.

Губернатор помолчал, потом сказал:

— Я не знаю, доводилось ли вам наблюдать когда-нибудь, мистер Бонд, как человеку разбивают сердце, разбивают медленно и жестоко. Так вот, именно это происходило с Филипом Мастерсом, и это было печальное зрелище. Когда он приехал на Бермуды, на его лице был написан рай, через год оно выражало ад. Конечно, я делал все, что было в моих силах. Все мы старались помочь ему, каждый по-своему, хотя, честно говоря, после того, что случилось в "Центральноокеанском", для него оставался лишь один реальный выход — попробовать помириться с женой. Но Мастерс напоминал раненую собаку. Он забился в свой уголок и огрызался на каждого, кто подходил слишком близко.

Я из кожи лез, пытаюсь смягчить его горе, даже написал ему пару писем. Позже он признался мне, что разорвал их, не читая. Однажды мы собрались на мальчишник в моем бунгало и пригласили его. Мы хотели напоить его, чтобы он забылся. И он напился. Затем мы услышали грохот в ванной — Мастерс попытался вскрыть вены моей бритвой. Это переполнило чашу нашего терпения. Меня выбрали делегатом — пойти и рассказать все губернатору. Он, конечно, был уже в курсе, но надеялся, что обойдется без его вмешательства. Теперь вопрос стоял об отставке Мастерса — свою работу он послал к чертям, жена замешана в публичном скандале. Он стал конченной личностью. Что мы могли поделать? Но губернатор был прекрасным человеком. Поскольку дело перешло в его руки, он решил использовать последний шанс, чтобы предотвратить почти неминуемый рапорт в Уайт-холл, который бы окончательно раздавил то, что оставалось от Мастерса. Сама судьба помогла ему. На следующий день после моего разговора с губернатором пришло официальное сообщение Министерства колоний о том, что в Вашингтоне состоится совещание по подготовке соглашения о прибрежном рыболовстве и что правительства Багамских и Бермудских островов должны послать туда своих представителей. Губернатор вызвал Мастерса, принял его как добрый дядюшка, сообщил о командировке в Вашингтон, посоветовал решить свои семейные дела в ближайшие пол-года и распрощался с ним. Через неделю Мастерс улетел в Вашингтон и просидел там, обсуждая рыболовные дола, пять месяцев. Мы все вздохнули с облегчением. Что касается Роды Мастерс, то каждый из нас старался избегать ее и высказывать ей презрение, пользуясь любой возможностью.

Губернатор достал платок и вытер лицо. В просторной, ярко освещенной комнате воцарилась тишина. Воспоминания взволновали губернатора, его глаза ярко блестели на покрасневшем лице. Он встал и налил виски с содовой Бонду и себе.

Бонд воскликнул:

— Ну и дела! Я ожидал, что рано или поздно случится нечто подобное, но все же не так быстро. Бедняга Мастерс! Должно быть, она была из породы безжалостных маленьких сучек. Но может, хоть на людях она высказывала признаки раскаяния за то, что натворила?

Губернатор закончил раскуривать новую сигару. Он посмотрел на ее красный кончик и подул на него.

— О нет, — сказал он. — Она прекрасно проводила время. Вероятно, она понимала, что так не может продолжаться бесконечно, но это было то, о чем она всегда мечтала, то, о чем грезят читательницы женских журналов. По складу ума Рода Мастерс как раз относилась к таким. Она получила все — пальмы, веселые пирушки в городе и "Центральноокеанском", сумасшедшие гонки на автомобиле и катере, прочие атрибуты дешевой романтики. А кроме того — полная свобода: муж-раб где-то далеко и не мешает, дом существует только для того, чтобы принять ванну и поспать несколько часов. Она ведь знала, что может вернуть к себе Филипа Мастерса, когда ей заблагорассудится. Он был настолько безвольным, что это не составило бы большого труда. А затем она могла обойти всех по очереди и, пустив в ход свое очарование, вымолить прощение. Все бы простили ее, и все бы утряслось. Впрочем, даже если бы этого не случилось, в мире столько мужчин помимо Филипа Мастерса, вдобавок гораздо более привлекательных. Взять один только клуб — какой богатый выбор кавалеров, в любой момент она подцепит любого из них. Нет, жизнь была прекрасна, и если кому-то могло показаться, что она ведет себя предосудительно, в конце концов, не она одна поступала так — вспомните путь кинозвезд, который приводил их в Голливуд.

Но вскоре ей пришлось пережить тяжкие испытания. Таттерсоллу она надоела, а тут еще благодаря жене губернатора родители устроили ему жуткий скандал. Он помог молодому негодяю покончить с ней без излишних сцен. Было лето, и острова наводнили хорошенькие американские девушки. Словом, было самое время для новых впечатлений. Итак, он бросил Роду Мастерс, сказав, что они должны расстаться, что иначе родители грозят лишить его денег. Это случилось за две недели до возвращения Мастерса из Вашингтона. Должен сказать, что она мужественно пережила разрыв. Она и по характеру была упорная, а кроме того, знала, что никто не застрахован от неудач. Она не жаловалась на судьбу. В данном случае ей некому было жаловаться. Она просто пошла и сказала леди Берфорд, что была виновата и что с этого момента она постарается быть хорошей женой Филипу Мастерсу. Затем привела дом в порядок, все вымыла и вычистила, приготовив подмости для большой сцены примирения. Неизбежность примирения она поняла по отношению своих бывших друзей по "Центральноокеанскому". Неожиданно Рода Мастерс стала нежелательной в гольф-клубе. Вы знаете, как это бывает даже в нашем добродушном английском захолустье. Не только чиновники, но и гамилтонские лавочники отвернулись от нее, в один день она стала человеком второго сорта, забытой, никому не нужной. Рода по-прежнему старалась казаться той же веселой маленькой девушкой, но теперь это не срабатывало. Пару раз ее осаждали, и она перестала притворяться. Теперь для нее было жизненно важно вернуть прежнее положение и не спеша заново начать путь наверх. Она засела дома и энергично принялась репетировать снова и снова сцену, которая ей предстояла: слезы — длинные и искренние оправдания — раскаяние — двухспальная кровать. И Филип Мастерс приехал.

Губернатор замолчал, задумчиво посмотрел на Бонда и сказал:

— Вы не женаты, впрочем, это не важно. Мне кажется, любые отношения между мужчиной и женщиной могут продолжаться до тех пор, пока в них жива хотя бы частица милосердия. Когда любовь прошла, когда одного из них совершенно очевидно и искренне не заботит, жив или умер другой, тогда все кончено. Откровенное презрение или, что гораздо хуже, угроза личности, покушение на инстинкт самосохранения — такое не прощается никогда. Мне доводилось быть свидетелем сотен чудовищных измен, преступлений и даже убийства, которые были прощены. Не говоря уже о банкротствах и подобных неприятностях. Неизлечимая

болезнь, любое безрассудство, несчастье — все это можно пережить. Но никогда — смерть милосердия в одном из двоих. Я много думал об этом и изобрел довольно высокопарное название определяющему фактору в человеческих отношениях, Я назвал его квантом утешения.

Бонд отозвался:

— Прекрасное определение Оно великолепно отражает суть дела. Я понял, что вы имели в виду, и должен сказать, что вы абсолютно правы. Квант утешения — это тот минимум надежды, который дается человеку. В конечном счете вся любовь и дружба держатся на этом. Вы справедливо подметили, что человеческие существа очень ранимы. И если кто-то не только дает вам почувствовать вашу беззащитность, но явно стремится погубить вас, то это конец. Квант утешения становится равным нулю. Вы должны убираться подобра-поздорову, пока целы. Понимал ли это Мастерс?

Губернатор не ответил на вопрос Бонда. Он продолжил рассказ:

— По-видимому, Рода Мастерс услышала, как муж открывает дверь. Мельком взглянув на него, она успела заметить лишь его глаза, губы, линию подбородка. Усов не было, а волосы опять свисали неопрятными космами, как при первой их встрече. Рода заранее надела самое скромное из своих платьев и воспользовалась минимумом косметики. Она устроилась в кресле так, чтобы свет из окна падал на страницы книги у нее на коленях, но лицо оставалось в тени. Рода решила, что, когда Мастерс откроет дверь, она переведет взгляд с книги на мужа, покорный, смиренный, и будет ждать, пока он не заговорит. Затем она встанет, тихо подойдет и остановится перед ним, склонив голову. Она расскажет ему все и разрыдается, а он обнимет ее, и она будет обещать, обещать... Она репетировала эту сцену много раз, пока не осталась довольной.

В должное время и должным образом она подняла глаза от книги. Мастерс тихо опустил чемодан, медленно пересек комнату и подошел к камину. Облокотившись на каминную полку, он смотрел на нее отсутствующим взглядом. Глаза его были холодны и бесстрастны. Он засунул руку в карман и вынул листок бумаги. Сухим голосом жилищного агента он сказал: "Это план нашего дома. Я разделил его на две половины. Твои комнаты — кухня и твоя спальня. Мои — эта комната и свободная спальня. Ты можешь пользоваться ванной, когда она не нужна мне. — Он наклонился вперед и уронил листок на открытую книгу. — Ты никогда не должна входить в мои комнаты, за исключением тех случаев, когда к нам придут гости".

Рода открыла рот, собираясь что-то сказать, но Мастерс остановил ее жестом.

"Сейчас я последний раз говорю с тобой наедине. Если ты обратишься ко мне, я не буду отвечать. Когда у тебя возникнет нужда сообщить мне что-то, можешь оставить записку в ванной. Я надеюсь, что ты будешь готовить мне пищу и накрывать на стол без опозданий. Когда я поем, ты можешь располагать столовой. Я буду давать тебе двадцать фунтов в месяц на хозяйство. Эту сумму ты будешь получать через моих адвокатов по первым числам каждого месяца. Они уже готовят документы на развод. Я развожусь с тобой, и ты не будешь препятствовать этому, потому что не сможешь. Частный детектив собрал все улики против тебя. Суд состоится через год, считая с этого дня. К этому времени закончится срок моей службы на Бермудских островах, а до тех пор на людях мы будем вести себя как нормальные супруги".

Мастерс засунул руки в карманы и вежливо-вопросительно посмотрел на нее. К тому времени слезы уже текли по ее лицу. Она выглядела испуганной, как будто ее ударили.

Мастерс сказал безразличным голосом: "Может, ты хочешь что-нибудь спросить? Если нет, то заberi свои вещи отсюда и иди на кухню. — Он посмотрел на часы. — Я хотел бы обедать каждый день в восемь часов. Сейчас полвосьмого".

Губернатор отпил виски. Он пояснил:

— Эту сцену я восстановил по тем крохам, что мне рассказал Мастерс, и более полным деталям, которые Рода Мастерс поведала леди Берфорд. Несомненно Рода старалась любым путем поколебать его решимость — доводами, мольбами, истериками, но он оставался непреклонным. Она никак не могла пронять его. Ей иногда казалось, что он уехал куда-то далеко и прислал в дом кого-то другого замещать себя во время их мучительных свиданий. В конце концов она была вынуждена смириться. У нее не было денег. Она не могла даже купить себе билет в Англию. За кров и еду ей приходилось делать все, что он говорил. Да, именно так все и было. Целый год они прожили, приветливые на людях, но замкнутые и одинокие, когда оставались наедине. Что и говорить, мы все были поражены переменой. Ведь никто из них не раскрыл их договор. Ей было стыдно признаться, у Мастерса не было причин для откровенности. Он показался нам чуть более замкнутым, чем раньше, но работал он первоклассно, и все вздохнули свободно, сойдясь во мнении, что какое-то чудо спасло их брак. Как ни странно, они приобрели отличную репутацию, даже стали популярной парой. Все было прощено и забыто.

Год минул, подошло время Мастерсу уезжать. Он объявил, что Рода останется уладить дела с домом, и они нанесли прощальные визиты. Мы слегка удивились, когда она не пришла проводить Мастерса на пароход, но он сказал, что жена приболела. Только спустя полмесяца слухи о разводе стали просачиваться из Англии. Затем Рода Мастерс неожиданно появилась у губернатора и долго говорила с леди Берфорд. Вскоре вся история, включая ее поистине ужасную следующую главу, стала известной.

Губернатор допил виски. Лед глухо задребезжал, когда он поставил стакан. Он продолжал:

— По-видимому, за день до отъезда Мастерс обнаружил записку жены в ванной комнате. В ней говорилось, что прежде, чем он покинет ее навсегда, они должны увидеться для последнего разговора. Мастерс и раньше находил записки подобного содержания и всегда их рвал, оставляя клочки на полке над раковиной. На этот раз он ответил, назначив ей встречу в шесть часов вечера в их маленькой гостиной. Когда пришло время, Рода Мастерс смиренно вошла сюда из кухни. Душераздирающие сцены, которые она закатывала, пытаясь вымолить прощение, давно остались в прошлом. Теперь она тихо сказала, что у нее осталось только десять фунтов от денег, что он дал на хозяйство, и больше ничего, совсем ничего. Когда он уедет, она останется без средств к существованию.

— У тебя есть драгоценности, которые я подарил, и меховая накидка.

— Мне очень повезет, если я выручу за все пятьдесят фунтов.

— Ты должна устроиться на работу.

— Это займет время. Мне надо где-то жить. Отсюда я должна выехать через две недели. Ты мне больше ничего не дашь? Я буду голодать.

Мастерс хладнокровно взглянул на нее и сказал:

— Ты красива. Ты никогда не будешь голодать.

— Ты должен помочь мне, Филип. Ты просто обязан. Твоей карьере повредит, если я приду просить милостыню у правительства.

Он ответил, что в доме им ничего не принадлежит, за исключением нескольких мелочей. Когда они въехали, он уже был меблирован. Его хозяин заходил неделю назад, и опись имущества с ним уже согласована. Остается только их автомобиль, "моррис", который достался Мастерсу уже подержанным, и радиола — он подарил ее жене как раз перед тем, как она увлеклась гольфом.

Филип Мастерс посмотрел на нее в последний раз. Никогда больше он не собирался встречаться с ней. Он сказал:

— Хорошо. Можешь взять себе машину и радиолу. Теперь все. Я должен укладываться. Всего хорошего.

И он ушел к себе в комнату.

Губернатор посмотрел на Бонда.

— Маленькая любезность напоследок, не так ли? — Он мрачно ухмыльнулся. — Когда Мастерс уехал. Рода собрала свои немногочисленные побрякушки, обручальное кольцо, лисий палантин, села в машину и отправилась в Гамильтон. Объехав ломбарды, она выручила сорок фунтов за украшения и семь — за свой лоскут меха. Затем она направилась к агенту по продаже машин, имя которого было выгравировано на приборном щитке автомобиля, и вызвала управляющего. Когда Рода спросила, сколько он ей заплатит за "моррис", тот решил, что его хотят одурачить.

— Но, мадам, мистер Мастерс взял эту машину в рассрочку. Он сильно запаздывал с платежами. Конечно, он предупредил вас, что мы послали ему письмо нашего поверенного о погашении долга еще неделю назад. Мы узнали, что он уезжает. Он написал в ответ, что приедете вы и все уладите. Дайте-ка я взгляну, — он достал регистрационную книгу. — Да, точно, за автомобиль вы должны еще ровно двести фунтов.

Губернатор продолжил:

— Ну, естественно. Рода Мастерс разрыдалась. В конце концов управляющий согласился взять машину назад, хотя она и не стоила к тому времени двухсот фунтов, но потребовал, чтобы она оставила ее тотчас же, с бензином в баке и всем прочим. Роде не оставалось ничего иного, как согласиться и еще благодарить, что ей не предъявили иск. Выйдя из гаража на раскаленную улицу, она уже знала, что ее ждет в радиомагазине. И она не ошиблась. Все повторилось, только здесь Рода была вынуждена доплатить десять фунтов, чтобы приказчик взял радиолу назад. На попутной машине она доехала до дома и едва зашла в него, как бросилась на кровать и проревела остаток дня. Она была сломлена. Теперь Филип Мастерс бил ее лежачую.

Довольно необычно, не правда ли? Такой человек, как Мастерс, — добрый, отзывчивый, сентиментальный, мухи не обидит — и вдруг оказался способным на такую жестокость. Ничего подобного я не могу припомнить за всю свою жизнь. Случилось то, о чем я вам говорил.

Губернатор едва заметно улыбнулся.

— Получив от нее квант утешения, Мастерс не должен был поступить с ней так, каковы бы ни были ее грехи. Но как бы то ни было, она разбудила в нем звериную жестокость — жестокость, которая, по-видимому, дремлет глубоко внутри каждого из нас и которая просыпается только при непосредственной угрозе нашему существованию. Разумеется, Мастерс не мог заставить ее страдать так же, как мучился он. Это было невозможно. Но он напряг всю свою фантазию, чтобы сделать ей как можно больнее. Вероломный трюк с автомобилем и радиолой, дьявольски тонко разыгранный, должен был напомнить Роде уже после его отъезда, как сильно он ее ненавидит.

Бонд сказал:

— Прямо скажем, садистский эксперимент. Просто поразительно, как люди могут ненавидеть друг друга. Я начинаю жалеть эту девушку. Что с ней стало? По правде говоря, интересно знать и его дальнейшую судьбу.

Губернатор встал и посмотрел на часы.

— Боже мой, уже почти полночь, а я до сих пор держу прислугу, — Он улыбнулся. — И вас тоже.

Подойдя к камину, он позвонил в колокольчик. Появился негр-дворецкий. Извинившись за позднее беспокойство, губернатор попросил его запереть на ночь двери и погасить свет в доме. Бонд тоже встал. Губернатор повернулся к нему.

— Пойдемте. Я провожу вас до ворот и прослежу, чтобы часовой выпустил вас.

По пути я расскажу конец.

Они медленно прошли через анфиладу комнат и спустились по широким ступеням в сад. Тропическая ночь была великолепна. Полная луна стремительно неслась сквозь высокие прозрачные облака.

Губернатор сказал:

— Мастерс продолжал работать в колониях, но, так или иначе, дальнейшей своей карьерой он не оправдал блестящего старта. Наверное, после бермудской истории что-то сломалось, умерло в нем. Он стал душевным калекой. В основном по ее вине, хотя подозреваю, то, что он сделал с ней, постоянно преследовало его и не давало покоя. Он по-прежнему отлично работал, но потерял способность к нормальному человеческому общению и замкнулся в своей скорлупе. Естественно, снова он не женился, а в конце концов ввязался в какие-то махинации с арахисом и, когда афера лопнула, вышел в отставку и уехал жить в Нигерию — назад к единственным людям в мире, которые отнеслись к нему с добротой, назад — туда, где все началось. Честно говоря, печальный конец, особенно если вспомнить, какие надежды он подавал в молодости.

— А она?

— О, для нее наступили черные времена. Мы пустили шапку по кругу, кроме того, она перебивалась случайными заработками, которые, по сути, были милостыней для нее. Она попыталась вернуться на прежнюю работу, но этому препятствовали обстоятельства, при которых она разорвала контракт с "Империял эруэйз". В те времена авиалиний было мало, а претенденток на вакансии стюардесс много. Чуть позже в том же году Берфордов перевели на Ямайку, и она лишилась главной опоры. Как я уже говорил, леди Берфорд всегда питала к ней слабость. Рода Мастерс скатилась на грань нищеты. Она по-прежнему оставалась красивой, и разные мужчины время от времени помогали ей. Впрочем, это не могло продолжаться долго в таком немногочисленном месте, как Бермудские острова. Она чуть не пошла по рукам и едва не нажила неприятностей с полицией, когда опять вступило провидение, решившее, что она достаточно наказана. Леди Берфорд прислала письмо, где сообщала, что нашла Роде место регистратора в "Голубых горах" — одном из лучших отелей Кингстона. К письму были приложены деньги на проезд до Ямайки. Итак, она уехала, и я полагаю — к тому времени меня уже перевели в Родезию, — что на Бермудах с искренним облегчением вздохнули, проводив ее.

Губернатор и Бонд подошли к широким воротам правительственной резиденции. За ними среди черной путаницы узких улочек белым и розовым светились под луной пряничные дощатые домики с остроконечными крышами и вычурными балконами — это был дух Нассау. С ужасным грохотом часовой взял винтовку на караул и застыл по стойке "смирно". Губернатор помахал рукой.

— Все в порядке. Вольно.

Как заводная кукла, часовой, коротко гроыхнув еще раз, ожил. Снова воцарилась тишина.

Губернатор произнес:

— Вот и подошел конец моей истории. Остался заключительный штрих. В один прекрасный день в "Голубых горах" остановился на зиму канадский миллионер. Весной он увез Роду Мастерс в Канаду и женился на ней. С тех пор она живет припеваючи.

— Боже, ну и повезло! Едва ли она заслужила такое счастье.

— Думаю, что заслужила. Жизнь — сложная штука. Может, судьба решила, что за унижение Мастерса она расквиталась сполна. Ведь, по сути, настоящими виновниками были родители Мастерса, превратившие его в неудачника. Он неминуемо должен был потерпеть крах. Провидение лишь выбрало Роду своим орудием, а после расплатилось с ней за услуги. Трудно судить о таких вещах. Как бы

то ни было, она сделала своего канадца счастливым. Сегодня вечером они выглядели довольными жизнью, не правда ли?

Бонд рассмеялся. Бурные и драматические перипетии его собственной жизни вдруг представились ему суетными и малозначительными. Эпизод с мятежом Кастро и сожжением двух посудин годился лишь в раздел приключений дешевой газетенки. Заурядная женщина сидела рядом с ним за обедом, и только случайно брошенная фраза раскрыла ему книгу подлинных неистовых страстей — книгу "человеческой комедии", в которой чувства яростны и грубы, где судьба разыгрывает такие сюжеты, перед которыми блекнут тайны секретных служб всех правительств.

Бонд повернулся к губернатору и, протянув ему руку, сказал:

— Спасибо вам за рассказ. Каюсь, я посчитал миссис Харви Миллер банальной особой. Но благодаря вам я запомню ее навсегда. Вы преподали мне урок. Я должен повнимательнее относиться к людям.

Они обменялись рукопожатиями. Губернатор улыбнулся.

— Я рад, что вы не остались равнодушным. Все время я боялся, что вы скучаете. Ведь вы пережили столько настоящих приключений. Теперь могу признаться, что вначале я ума не мог приложить, чем вас развлечь. Жизнь в колониях такая скучная.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Бонд пошел вниз по тихой улице, ведущей к гавани и Британской колониальной гостинице. Он размышлял о завтрашнем совещании с сотрудниками ФБР и береговой охраны США в Майами. Планы на будущее, еще недавно казавшиеся интересными и даже волновавшие его, теперь раздражали тщетностью и пустотой.